

Научная статья
УДК 811.161.1'367.626'42
doi: 10.17223/15617793/474/11

Местоименная репрезентация экспериенцера при выражении безразличного и небезразличного отношения в русскоязычном дискурсе

Елена Владимировна Ничипорчик¹

¹ Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Республика Беларусь, evnich@gmail.com

Аннотация. Анализируется функционирование конструкций «кого-либо не волнует / не волновало /...», «кого-либо волнует / волновало /...» в русскоязычном дискурсе. Устанавливается преимущественно местоименная репрезентация экспериенцера в таких конструкциях. Выявляются закономерности продуцирования сообщений о безразличном и небезразличном отношении в разных типах дискурсов, проявляющиеся в количественном преобладании одних местоименных словоформ над другими, порядке следования прономинативного и глагольного компонентов, временной локализации обозначаемого отношения.

Ключевые слова: местоимение, глагол, сочетание, экспериенцер, безразличное отношение, небезразличное отношение

Для цитирования: Ничипорчик Е.В. Местоименная репрезентация экспериенцера при выражении безразличного и небезразличного отношения в русскоязычном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 97–109. doi: 10.17223/15617793/474/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/11

Pronominal representation of the experiencer when expressing indifferent and non-indifferent attitudes in Russian-language discourse

Elena V. Nichiporchik¹

¹ Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Republic of Belarus, evnich@gmail.com

Abstract. The author of the article aims to test the assumption that the representation of the subject of an indifferent attitude in the phraseological units of the Russian language by the first-person pronoun is not accidental. The regularities of the experiencer's representation in messages about indifferent and non-indifferent attitudes are found in contexts with a stylistically neutral verb *volnovat'* [agitate, bother, cause concern, etc.]. The source of the material is the resources of the Russian National Corpus and Google Books Ngram Viewer. The corpus tools for extracting and processing information, methods of quantitative analysis, and generalization of the obtained data were used. In messages about indifferent and non-indifferent attitudes, constructed using the verb *volnovat'*, the predominantly pronominal representation of the experiencer is found. The representations of the experiencer by the first-person pronoun *menya* [me] quantitatively prevail over other pronominal representations. Participants of the Russian-language discourse are more inclined to inform about the state of concern, a non-indifferent attitude to something, than about an indifferent attitude towards what constitutes a private or social being of a person. Messages with the representation of the experiencer by pronouns of the first and third persons, which statistically outperform messages with the representation of the experiencer by pronouns of the second person, differ in the spheres and, accordingly, in the genres of their predominant use. Journalistic writing is more focused on communication in the "here and now" format, an open dialogue about what excites or should excite each and many; therefore, the experiencer in messages about a non-indifferent attitude is more often represented by pronouns *menya* [me], *nas* [us], *ikh* [them], in messages about an indifferent attitude – pronouns *nikogo* [nobody], *menya* [me], *ikh* [them]. In literary discourse, the narrator focuses on the inner world of the character, hence the most frequent representations of the experiencer are *ego* [his], *eyo* [her]. The pronominal representations of the experiencer are fixed in combinations with the verb *volnovat'* mainly in messages about indifferent and non-indifferent attitudes, localized in the present tense. The exception is representations of the experiencer by pronouns *ego* and *eyo* with the verb *volnovat'* in literary texts: combinations of these pronouns with the verb *volnovat'* in the past tense outperform by frequency the combinations with the verb forms in the present tense. The pronominal representations of the experiencer in combinations with the verb *volnovat'* are predominantly contact and prepositional, that indicates on the action of speech stereotypes, leading ultimately to the formation of speech patterns – the preservation of form and content in the form of combinations that blur the borderline between free word combinations and reproducible units.

Keywords: pronoun, verb, combination, experiencer, indifferent attitude, non-indifferent attitude

For citation: Nichiporchik, E.V. (2022) Pronominal representation of the experiencer when expressing indifferent and non-indifferent attitudes in Russian-language discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 97–109. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/11

Введение

Электронные ресурсы, и особенно корпуса национальных языков с различными инструментами извлечения и обработки информации, в настоящее время дают широкие возможности для решения разного рода лингвистических задач. При достаточной репрезентативности корпуса с опорой на статистические методы анализа можно выявлять разного рода шаблонные формы выражения смысла. По отношению ко многим шаблонным формам выражения смысла, стабильность связи между компонентами которых не может быть объяснена грамматическим правилом либо не может быть объяснена только грамматическим правилом, применим термин «конструкция», используемый в русскоязычном научном дискурсе вслед за представителями одного из ведущих направлений зарубежной лингвистики СхГ, у истоков которого стоит Ч. Филлмор. Учитывая то, что природа ограничений на переменные в сочетаниях слов различна, лингвисты стремятся установить место каждого повторяющегося в речи соединения слов на шкале, крайними точками которой считаются идиомы и свободные сочетания. Строгая дифференциация устойчивого и изменчивого в вербальном воплощении мысли направлена на решение задачи, связанной, по сути, с определением демаркационной линии между лексикой и грамматикой, языком и речью. Фиксация в корпусах национальных языков множества свободных сочетаний, выделяющихся высокой частотностью употребления на фоне менее частотных, образованных по тем же моделям соединений слов, заставляет вновь и вновь задуматься над вопросом о соотношении воспроизводимого и творимого при продуцировании речи, о причинах предпочтения одних форм выражения смысла другим, а также о том, насколько четка граница между языком и речью.

Глагольные сочетания давно находятся в поле зрения лингвистов. Обширна литература, в которой отражаются результаты изучения «синтаксических потенциалов» глаголов, определяются внутренние связи свободных и несвободных глагольных сочетаний, описываются внешние грамматические связи несвободных глагольных сочетаний (Б.А. Абрамов, Ю.Д. Апресян, Г.В. Бажутина, В.М. Дерибас, В.Г. Дидковская, Р.М. Гайсина, Т.М. Дорофеева, Г.А. Золотова, Т.Я. Зотова, И.Г. Казачук, М.А. Кормилицына, Е.Л. Кривченко, Н.В. Ламзикова, Р. Мразек, Е.В. Рахилина, Н.А. Прокуденко, Г.Г. Сильницкий и др.). Несмотря на то что многие задачи в изучении синтактики русских глаголов уже решены, в настоящее время наблюдается новый виток научного интереса к глагольной сочетаемости, как, впрочем, и сочетаемости вообще. Вызван он развитием корпусной лингвистики, возможностью выявления с опорой на статистические методы исследования высокочастотных сочетаний, возможностью установления меры тяготения

слов друг к другу (коэффициента совместной встречаемости) и, что оказалось не менее важным, направления «притяжения» слов в сочетаниях (Е.Г. Борисова, В.П. Захаров, М.В. Хохлова, О.А. Митрофанова, В.В. Кадина, Е.В. Еникеева, А. Стефанович, С. Грис, Ф. Чермак и др.). Возрастание научного интереса к синтаксическим соединениям слов стимулировано также признанием плодотворности подходов к изучению словаря в неразрывной связи с грамматикой (Ю.Д. Апресян, Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук, Е. В. Рахилина и др.), результативностью принятых в теории СхГ методов анализа конструкций, поставивших под сомнение абсолютность примата глагола (А. Горберг, А. Стефанович, С. Грис и др.). И если ранее, как отмечает Д.О. Добровольский, СхГ занималась изучением образований, представляющих, скорее, отклонение от правил синтаксических построений, то в настоящее время и базовые структуры, такие как «субъект–предикат–объект», объявляются конструкциями, т.е. структурами, которые могут быть описаны при помощи инструментария теории, изучающей преимущественно некомпозиционные сочетания [1. С. 9]. Перспективность изучения высокочастотных композиционных сочетаний, т.е. сочетаний, представляющих случаи «консервации» взаимодействия формы и содержания, связывается с привлекательностью гипотезы, согласно которой такие сочетания, подобно воспроизводимым единицам лексикона, «хранятся в памяти носителя языка как единые блоки, а не порождаются по правилам синтаксиса и соположения смыслов» [1. С. 9]. Словари нового типа – словари коллокаций, созданные на основе Национального корпуса русского языка (см.: [2, 3]), подтверждают верность этого предположения и подвигают к принятию тезиса современных лексикографов об ограниченных пределах действительно свободной сочетаемости слов [2].

Корпусная лингвистика достигла значительных успехов в исследованиях языка, направленных на выявление алгоритмов, отражающих взаимодействие лексики и грамматики в процессе порождения речи, выявление укорененных в сознании носителей языка неэлементарных «одежд», в которые облачаются бесконечно новые мысли. В то же время многие вопросы, по мнению исследователей, еще ждут своего решения: недостаточно изученными являются количественные критерии для выявления устойчивых сочетаний [4], словари устойчивых сочетаний отражают далеко не полный перечень такого рода языковых единиц [5], не получили системного описания колликации – статистические модели, проливающие свет на поведение грамматических групп в тексте [6. С. 302–303].

Толчком к анализу конструкций со значением безразличного и безразличного отношения в русскоязычном дискурсе, и в частности к анализу способов репрезентации экспириенцера (в данном случае

субъекта, воспринимающего индифферентно или неиндифферентно нечто стороннее, реагирующего на некоторый стимул) в такого рода конструкциях, послужил тот факт, что в словарях устойчивых выражений русского языка отмечается целый ряд закрепившихся в узусе выражений с семантикой безразличного отношения к чему-, кому-либо, которые подаются с включением в их состав личного местоимения первого лица или притяжательного местоимения, указывающего на принадлежность первому лицу: *меня не колышет; меня не касается; мне без разницы; оно мне надо; мне фиолетово; имел я в виду; мое дело сторона; моя хата с краю; не мое дело; не моя забота; не моя печаль* [7]; *начхать мне на тебя (на него); по мне хоть пёс; лишь бы яйца нёс; мне с ним детей не крестить; мне от твоих слов ни холодно, ни жарко; больно (очень) мне нужно* [8]. Как известно, в академической традиции грамматическая связь фразеологизма передается посредством использования «обезличенных» и «обеспредмеченных» местоимений *кто* и *что*: *«по барабану кому что»* [9. С. 29], *«какое дело кому»* [9. С. 181], *«ни холодно ни жарко кому»* [10. С. 680–681]). При вхождении местоименного компонента в состав устойчивого выражения словарь, как правило, отражает возможную вариативность местоименного компонента, например: *не мое (твое, его... и т.п.) дело* [9. С. 181], хотя и непоследовательно. Так, выражение *моя хата с краю* в «Большом словаре русских поговорок» подается без указания на вариативность дейктического средства [9. С. 707], в то время как, по наблюдениям И.Г. Гомоновой, поговорка *моя хата с краю* в текстах Национального корпуса русского языка фиксируется не только с местоименным компонентом *моя* (75% от всех фиксаций), но и с иными местоименными компонентами (*наша / его / их хата с краю*) [11. С. 174]. Возникает вопрос, случайно или закономерно в составе фразеологизмов со значением безразличного отношения «приживаются» именно перволичные местоимения, а в словарях указывается преимущественно перволичная репрезентация экспериенцера при отражении грамматических связей фразеологизмов с таким значением.

Для проверки предположения о неслучайности такого рода фактов были привлечены контексты с нейтральным в плане функционально-стилевой окрашенности глаголом *волновать*, функционирующим в составе грамматических структур со значением безразличного и небезразличного отношения *кого-либо не волнует / не волновало / ... , кого-либо волнует / волновало / ...*. В качестве источника фактического материала использовались ресурсы Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [12], а также поисковые ресурсы Google Books Ngram Viewer¹ [13]. Был намечен следующий перечень задач:

1) определить состав местоимений, наиболее регулярно используемых носителями языка для обозначения экспериенцера в сочетаниях с глаголом *волновать*;

2) установить, есть ли связь между способом обозначения экспериенцера, «выбором» местоимения в

качестве дейктического средства в сочетаниях с глаголом *волновать* и типом дискурса;

3) выяснить, к чему чаще склоняются говорящие и пишущие: к выражению безразличного или небезразличного отношения;

4) определить, какой временной локализацией характеризуются действия, обозначенные глаголом *волновать*, в сообщениях о безразличном и небезразличном отношении;

5) определить, какие соединения местоимений, обозначающих экспериенцера, с глаголом *волновать* в наибольшей степени соответствуют укорененным в сознании говорящих на русском языке моделям развертывания мысли: дистантное или контактное, препозитивное или постпозитивное употребление местоимений.

Выборка фактического материала (с учетом основной цели и частных задач) осуществлялась по нескольким запросам: с различными местоимениями, на разном расстоянии от глагола, с отрицательной частицей *не* при глаголе и без нее, с препозицией и постпозитивной местоимений при формах настоящего и прошедшего времени глагола. В качестве основного метода был использован метод количественного анализа. С учетом того, что подсчеты употреблений в речи тех или иных единиц не являются информативными, пока не включаются в ту или иную оппозицию, статистика употреблений местоимений в роли экспериенцера при глаголе *волновать* была сопоставлена со статистикой употребления существительных в той же семантической роли.

Статистика препозитивной местоименной репрезентации экспериенцера

Статистика, отражающая результаты анализа контекстов с препозитивными (с расстоянием в три слова) по отношению к глаголу *волновать* местоимениями (см. рис. 1), весьма красноречиво говорит о том, что, во-первых, наиболее частотными в текстах и Основного, и Газетного корпусов НКРЯ (далее ОСН и ГЗТ) являются сочетания со значением небезразличного отношения, включающие местоимение *меня*, т.е. чаще всего адресант сообщает о своем, а не о чужом небезразличном отношении к чему-либо, о своем, а не чужом состоянии обеспокоенности чем-либо. Эта закономерность последовательно проявляется как в текстах ОСН, так и в текстах ГЗТ, причем по количеству фиксаций лидирует сочетание местоимения *меня* с глаголом *волновать* в форме единственного числа настоящего времени: *С раннего утра зашел ко мне Гурко, которого, как и других интересных личностей, Боткин ко мне не пускал, зная, до какой степени меня волнует нынешнее безотрадное положение дел* (Игнатьев Н. Походные письма 1877 года); *Ну и хорошо, что он ко мне не заходит, очень хорошо, что не заходит. Но всё-таки это меня волнует* (Аксенов В. Звездный билет // Юность); *Меня волнует участь бедных людей в бедных странах, и мне хочется, чтобы они хотя бы не умирали с голоду* (Хабаров Г. Красота может все испортить // Совершенно секретно.

2003.07.04); *Гораздо больше меня волнует тот факт, что у него вообще есть время это делать* (Леброн Джеймс снова раскритиковал Трампа // *gazeta.ru*. 2018.09.21). Во-вторых, перволичная репрезентация экспериенцера оказывается наиболее частотной и при выражении безразличного отношения. И в этом случае количественно преобладают сочетания с глаголом *волновать* в форме единственного числа настоящего времени. Сочетание *меня не волнует* лидирует, правда, только в текстах, представленных в ОСН: *Говорит, мне нравится жить в этой квартире с молодой женой, а где ты обитаешь – меня не волнует* (Никулин А., Шапошникова Е. Полет парикмахерши // *Отечественные записки*); *Я простая женщина, не хожу на светские вечеринки, я здорова, меня не волнует, что будет с моей фигурой после родов, мы уже много лет вместе, мы сто раз успели пожить для себя* (Тренина Т. Русалка для интимных встреч); *Я не искренен, меня не волнует его судьба, и ему начихать на то, что в душе у меня* (Ариткулова Г. Контур, выжженный на асфальте // *Бельские просторы*). В ГЗТ наиболее частотным является другое сочетание – *никого не волнует*. Сочетание *никого не волнует* используется для обозначения референтных ситуаций, в которых наблюдается равнодушие к тому, что с точки зрения говорящего/пишущего обязательно должно вызвать резонанс у всех, многих или по крайней мере у ответственных лиц: *«Вот я» – роман о зыбкости современного мира и его устоев: национальная и религиозная идентичность больше никого не волнует, браки рушатся, оперетты не на что, частное победило коллективное* (Кочеткова Н. Моя семья и продажные твари // *lenta.ru*. 2017.11.29); *А то, что похожие проблемы еще в полусотне стран мира есть, особо никого не волнует* (Форум: Иранская ядерная программа); *И никого не волнует, сколько времени*

водителем пришлось простоять на границе и по каким причинам (Антидзе А. «Нас не считают за людей» // *lenta.ru*. 2019.02.24).

Обратим внимание на тот факт, что в «Активном словаре русского языка», отражающем лексико-семантическую сочетаемость слов и специфичные для слов синтаксические конструкции, первыми контекстами в вокабуле *волновать* являются контексты с местоимениями *меня* и *никого* (*Меня волнует, что обо мне подумают, Это никого не волнует* [14. С. 231]). В словаре говорится также о маркированном принадлежностью к разговорной речи сочетании глагола *волновать* в форме настоящего времени с отрицательной частицей (*не волнует*), характеризующемся сдвигом к значению ‘не интересует’, и тоже приводятся иллюстрации с местоимениями (*Меня это вообще не волнует! Тебя, я вижу, это совсем не волнует!*), однако акцент на сочетаемость глагола *волновать* именно с местоимениями не делается, в качестве примеров типичной сочетаемости глагола приводятся сочетания с наречиями меры и степени [14. С. 231].

Статистика свидетельствует, что состояние беспокойности, проявление повышенного интереса человека к чему-либо становятся предметом речи чаще, чем выражение безразличного отношения (эта закономерность проявилась и в конструкциях с именами существительными в семантической роли экспериенцера). Кроме того, человеку в большей степени свойственно говорить о том, что волнует его в настоящем, чем о том, что волновало в прошлом, особенно это характерно для текстов публицистического стиля, в текстах же художественного стиля свои особенности. Эпизодичны контексты с местоименной репрезентацией экспериенцера при глаголе *волновать*, употребленном в составе аналитической формы будущего времени, по этой причине соответствующие данные не отражены в табл. 1.

Таблица 1

Статистика препозитивных местоименных репрезентаций экспериенцера в базе данных НКРЯ

Местоимение	Основной корпус безразличное отношение			Газетный корпус безразличное отношение			Основной корпус безразличное отношение			Газетный корпус безразличное отношение		
	наст.	прош.	всего	наст.	прош.	всего	наст.	прош.	всего	наст.	прош.	всего
Меня	428	194	622	452	88	540	120	65	185	174	31	205
Никого	–	–	–	–	–	–	87	47	134	244	50	294
Его	174	266	440	137	45	182	41	66	107	76	21	97
Их	90	60	150	194	40	234	37	11	48	86	16	102
Нас	79	43	122	202	17	219	16	7	23	46	4	50
Вас	103	3	106	123	4	127	27	2	29	33	2	35
Ее	68	88	156	47	10	57	20	24	44	19	4	23
Тебя	74	5	79	11	1	12	23	1	24	3	–	3
Кого	59	13	72	125	21	146	2	–	2	2	–	2
Всех	29	33	62	88	28	116	–	–	–	–	–	–
Многих	9	7	16	44	10	54	1	–	1	2	–	2
Кого-то	5	–	5	7	3	10	1	–	1	–	–	–
Каждого	–	3	3	5	–	5	–	–	–	–	–	–

Как видим, наименее частотным в семантической роли экспериенцера в сочетаниях с глаголом *волновать* среди личных местоимений является местоименная форма *тебя*. Местоименные формы *его* и *ее*, в отличие от всех других местоименных форм, в текстах ОСН чаще фиксируются в сочетании с формой глагола прошедшего времени, в ГЗТ, напротив, с формой глагола настоящего времени. Местоименные

формы *их* и *нас*, используемые для обозначения множества субъектов безразличного/безразличного отношения, в ГЗТ фиксируются чаще, чем местоимения, указывающие на отдельных субъектов, – *его* и *ее*. Сочетания *кого волнует* и *всех волнует* в ГЗТ более частотны, чем сочетания *ее волнует* и *тебя волнует*.

Синтаксические структуры со значением безразличного отношения показывают в основном ту же

последовательность по убыванию частотности использования того или иного местоимения, что и синтаксические структуры, в которых выражается значение обеспокоенности, однако с меньшими цифровыми значениями. Эта корреляция является подтверждением наличия определенного рода речевых стереотипов, усвоенных коллективным сознанием.

Выявленные на материале Национального корпуса русского языка статистические закономерности подтверждаются и графиками, полученными по соответ-

ствующим запросам в значительно более объемной поисковой базе Google Books Ngram Viewer.

Графики (рис. 1, 2) отражают преобладание сочетаний глагола *волновать* с местоимениями *меня*, *его*, *их* при выражении небезразличного отношения и сочетаний глагола *волновать* с местоимениями *никого*, *меня*, *его* – при выражения безразличного отношения. Подтвердилась и закономерность, касающаяся временных значений, – настоящее в переживаниях человека более важно, чем прошлое.

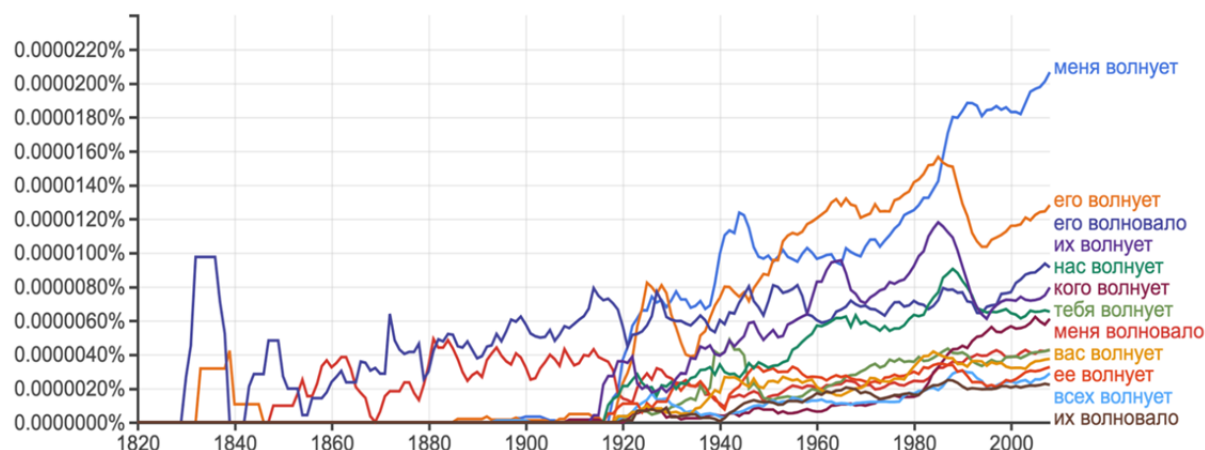

Рис. 1. Статистика препозитивных местоименных репрезентаций экспериенцера в структурах со значением небезразличного отношения в базе данных Google Books Ngram Viewer

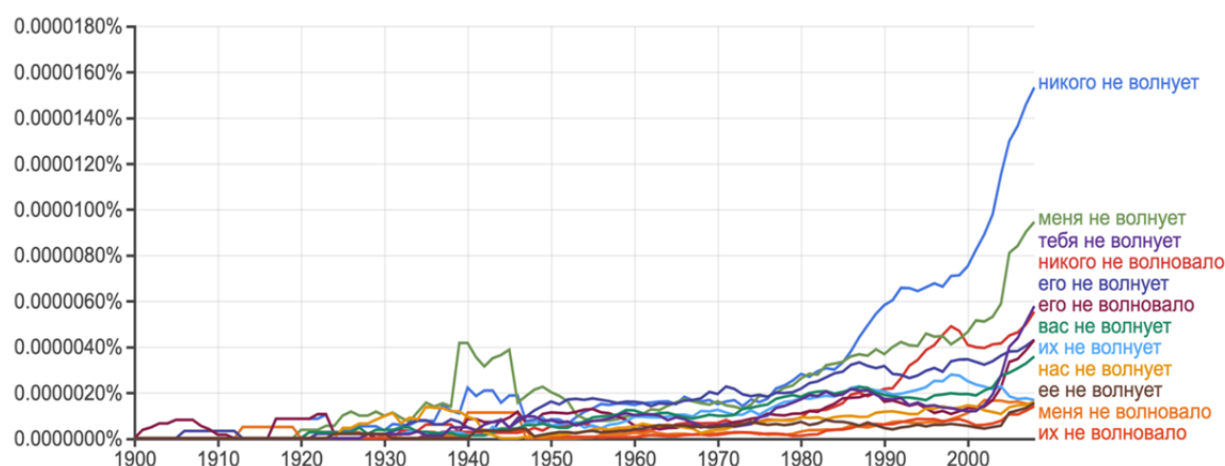

Рис. 2. Статистика препозитивных местоименных репрезентаций экспериенцера в структурах со значением безразличного отношения в базе данных Google Books Ngram Viewer

Т а б л и ц а 2

Статистика препозитивных местоименных репрезентаций экспериенцера с учетом удаленности от глагола *волновать* в базе данных НКРЯ

Кол-во слов	Основной корпус небезразличное отношение	Газетный корпус небезразличное отношение	Основной корпус безразличное отношение	Газетный корпус безразличное отношение
До одного	1 055	1 166	372	541
До трех	1 833	1 702	598	813

Т а б л и ц а 3

Соотношение местоименных и субстантивных репрезентаций экспериенцера в препозиции к глаголу *волновать* в базе данных НКРЯ

	Основной корпус небезразличное отношение	Газетный корпус небезразличное отношение	Основной корпус безразличное отношение	Газетный корпус безразличное отношение
Местоимение	1 833	1 702	598	813
Существительное	315	731	89	142

Если сравнить количество сочетаний, полученных по запросу с расстоянием до трех слов между местоимением и глаголом, с количеством препозитивных контактных репрезентаций экспериенцера при глаголе *волновать* (см. табл. 2) и учесть, что в диапазоне до трех слов в НКРЯ автоматически подсчитываются и все контактные сочетания с препозицией местоимения, то напрашивается вывод о преобладании контактных препозитивных соединений местоимений с глаголом *волновать* над дистантными.

Субстантивно-глагольные сочетания с заданными параметрами (т.е. с препозицией существительного на расстоянии до трех слов от спрягаемых форм глагола *волновать*) представлены в значительно меньшем количестве, чем местоименно-глагольные (см. табл. 3).

Как видим, в ОСН местоименно-глагольные сочетания и со значением безразличного отношения, и со значением безразличного отношения превосходят по численности субстантивно-глагольные сочетания примерно в шесть раз. В ГЗТ местоименно-глагольных сочетаний со значением безразличного отношения тоже практически в шесть раз больше, чем субстантивно-глагольных. При сопоставлении структур со значением безразличного отношения в ГЗТ различие в данных иное: местоименно-глагольных сочетаний со значением безразличного отношения больше всего лишь в два раза, чем субстантивно-глагольных.

Итак, подсчеты показывают, что в русской речи репрезентации экспериенцера в препозиции к глаголу *волновать* преимущественно местоименные, а не субстантивные. Наиболее частотной среди репрезентаций экспериенцера личными местоимениями является репрезентация экспериенцера местоимением *меня*, причем в текстах как Основного, так и Газетного корпуса. Эта закономерность проявляется в сообщениях о безразличном и безразличном отношении. В то же время в текстах Газетного корпуса сочетания глагола *волновать* с местоимением *никого* превосходят по количеству фиксаций сочетания глагола *волновать* с местоимением *меня*. Репрезентация экспериенцера местоимением *его* в препозиции к глаголу в сообщениях о безразличном отношении также относится к числу частотных, однако только в текстах Основного корпуса, в Газетном корпусе – уступает по численности репрезентациям экспериенцера местоимениями *их* и *нас*.

Объяснить выявленные закономерности достаточно сложно. Возможно, сообщение о том, что волнует или не волнует, есть определенного рода «откровение», которое в соответствии с традициями, сложившимися в русскоязычном дискурсе, должно исходить от самого говорящего. В художественном нарративе с устраненным типом нарратора (опосредованная интеракция с читателем), как правило, предполагается предварительное (предшествующее сообщению) «знакомство» с субъектом отношения/состояния, отсюда частотность третьеличной местоименной репрезентации экспериенцера. Если это диалогическая речь, то в ней использование местоимений для репрезентации экспериенцера – естественное явление: диа-

логическая речь – разговорная речь в своей основе, а для разговорной речи вообще характерно частотное обращение к местоименным дейктическим средствам [15. С. 271]. Кроме того, диалогу как жанру всегда в той или иной мере свойственна тенденция к «интимизации» общения – сближению адресанта и адресата, а следовательно, и к «откровению» – рассказу о том, что волнует, прежде всего, самих партнеров по общению.

Статистика постпозитивной местоименной репрезентации экспериенцера

Статистические характеристики употребления глагола *волновать* с постпозитивными местоимениями, выявленные на основе базы данных НКРЯ и Google Books Ngram Viewer, свидетельствуют о стойком проявлении общей закономерности в русскоязычном дискурсе: сообщения о состоянии обеспокоенности чем-либо, заинтересованном отношении к чему-либо превосходят по численности сообщения об индифферентном отношении к чему-либо (эпизодичность фиксации сообщений о безразличном отношении с постглагольным местоимением в семантической роли экспериенцера обусловила отказ от приведения соответствующих количественных данных в таблице и графике (табл. 4 и рис. 3)). В то же время зафиксированные в базах данных структуры с постглагольным местоимением отличаются от структур с препозитивной по отношению к глаголу репрезентацией экспериенцера в количественном отношении и в плане общего рейтинга по частотности. В ОСН лидеры – *волнует меня*, *волновало его*; правда, по общему количеству фиксаций (в расчет принималась сумма сочетаний с формами и настоящего, и прошедшего времени глагола) сочетания с местоимением *его* преобладают над сочетаниями с местоимением *меня*, в ГЗТ – сочетания с местоимением *меня* уступили в лидерстве сочетаниям с местоимениями *его*, *их*, *всех* (см. рис. 6, сравн. с рис. 1).

Google Books Ngram Viewer подтвердил преобладание сочетаний *волнует меня* и *волновало его* над иными местоименными сочетаниями в сообщениях о безразличном отношении с постглагольной местоименной репрезентацией экспериенцера.

Если сопоставить местоименные репрезентации экспериенцера в постпозиции к глаголу *волновать* с субстантивными, то в ОСН число местоименных репрезентаций экспериенцера и в сообщениях о безразличном отношении, и в сообщениях о безразличном отношении значительно выше числа субстантивных репрезентаций. В ГЗТ пропорция обратная: местоименные репрезентации экспериенцера уступают субстантивным (табл. 5), причем обозначение экспериенцера существительным во множественном числе, так же как и в препозиции к глаголу, встречается значительно чаще, чем обозначение экспериенцера существительным в единственном числе.

Обратим внимание на то, что местоименная репрезентация экспериенцера в препозиции к глаголу *волновать* предпочитается коммуникантами чаще, чем постпозитивная (табл. 6).

Таблица 4

Статистика постпозитивных употреблений местоимений в сочетании с глаголом *волновать* в базе данных НКРЯ

Местоимение	Основной корпус небезразличное отношение			Газетный корпус небезразличное отношение		
	наст.	прош.	всего	наст.	прош.	всего
Его	152	375	527	71	26	97
Меня	202	189	391	35	13	48
Ее	78	116	194	19	7	26
Их	67	43	110	81	7	88
Нас	87	53	140	39	6	45
Вас	29	4	33	39	2	41
Тебя	17	3	20	3	—	3
Всех	15	30	45	65	9	74
Многих	14	3	17	34	3	37
Каждого	4	2	6	16	—	16

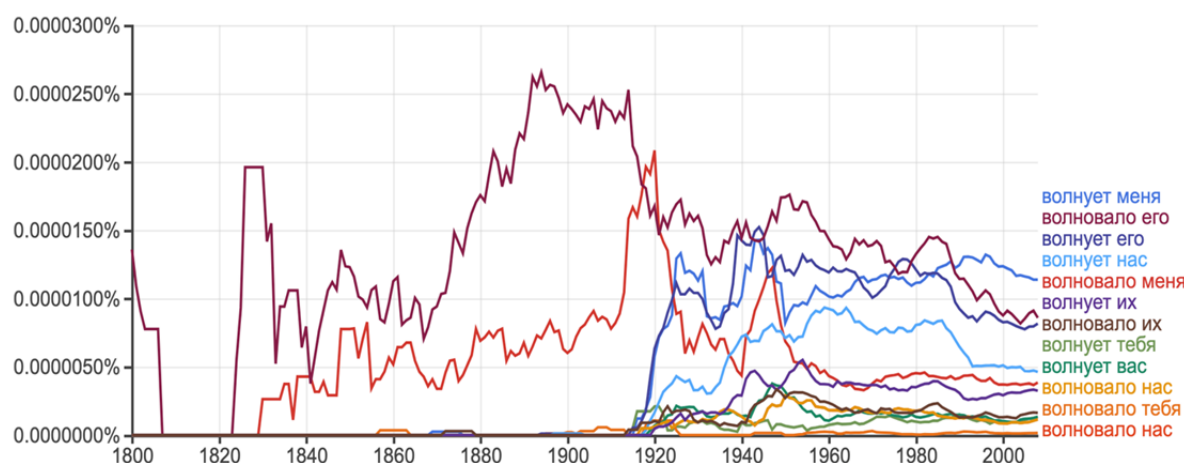
Рис. 3. Статистика постпозитивных употреблений личных местоимений в сочетании с глаголом *волновать* в базе данных Google Books Ngram Viewer

Таблица 5

Соотношение местоименных и субстантивных репрезентаций экспериенцера в постпозиции к глаголу *волновать* в базе данных НКРЯ

Часть речи	Основной корпус небезразличное отношение	Газетный корпус небезразличное отношение	Основной корпус безразличное отношение	Газетный корпус безразличное отношение
Местоимение	1 483	475	72	11
Существительное	708	800	27	28

Таблица 6

Соотношение препозитивных и постпозитивных местоименных репрезентаций экспериенцера в сочетаниях с глаголом *волновать* в базе данных НКРЯ

Местоименная репрезентация	Основной корпус небезразличное отношение	Газетный корпус небезразличное отношение	Основной корпус безразличное отношение	Газетный корпус безразличное отношение
Препозитивная репрезентация	1 833	1 702	598	813
Постпозитивная репрезентация	1 483	475	72	11

Причины выбора коммуникантами препозитивной или постпозитивной местоименной репрезентации экспериенцера в сочетаниях с глаголом *волновать*, на наш взгляд, требуют отдельного изучения. И значимость порядка следования местоименного и глагольного компонентов может быть определена, по всей вероятности, с учетом общего порядка слов в предложении-высказывании. Интересны в этом отношении, к примеру, предложения-высказывания с постглагольными местоимениями *всех* и *никого* в финальной позиции: *Значит, судьба местного самоуправления города должна бы волновать всех* (Калиниченко А.

Иммигрантка // Общая газета); *Деньги стали синонимом свободы. Это волновало всех. Самые сильные и агрессивные занялись бизнесом* (Алексиевич С. *Время second-hand* // Дружба народов); *Но вот откуда возьмутся деньги на демонтаж – этот вопрос волнует всех* (Савельева Т. *Про Петра* // Столица); *Причем качество овец и фруктов не волнует никого* (Дорого и сердито. Почему в Москве всё за большие деньги // Комсомольская правда). Прагматический пик такого рода высказываний представляет репрезентация экспериенцера, то есть внимание акцентируется на субъекте отношения. В то же время финальная

позиция личных местоимений в сочетании с глаголом *волновать* такой коммуникативной нагрузкой обычно не характеризуется: *Много еще прекрасных тем нашей современной действительности волнует меня* (Советское искусство); *В общем, работа в Антарктике глубоко вошла в мою жизнь, и до сегодняшнего дня она волнует меня* (Губарев В., Котляков В. Когда от любви тают льды... // Наука и жизнь); *Всё суета сует. Но суета сует радовала и волновала его* (Гроссман В. Жизнь и судьба); *Он ушел, чтобы успокоить свое тело, но остался с нами, ибо душа его, его мысль открыты и юны, и они волнуют нас* (Ангаладян Р. Параджанов: коллаж тени и цвета в диапазоне одного человеческого сердца // Звезда).

Характеристика дискурсов с местоименной репрезентацией экспериенцера

Как было уже отмечено выше, сочетания местоимений в роли экспериенцера с глаголом *волновать* отмечаются в разных стилях и жанрах русской речи. Интересно выяснить, каковы пропорции употреблений таких сочетаний в разных сферах коммуникации и проявляется ли закрепление сочетаний с теми или иными местоимениями в роли экспериенцера за определенными жанрами речевых сообщений.

По автоматически исчисленным данным НКРЯ, в рамках ОСН местоименно-глагольные сочетания со значением безразличного отношения *меня волнует / волновало / ...* отмечаются чаще в публицистике, чем в художественной речи, сравн.: 47,35% (публицистика) и 39,71% (художественная литература). Невысок процент употреблений таких сочетаний в электронной коммуникации (4,71%) и в обыденной речи (3,24%); по-видимому, это объясняется пропорциями представленности этих видов коммуникации в НКРЯ. Что касается жанровых характеристик текстов, включающих сочетания *меня волнует / волновало / ...*, то здесь наблюдается следующее процентное соотношение: мемуары – 24,41%, далее по убыванию романы – 20,00%, повести – 9,71%, статьи – 7,35%, дневники, записные книжки – 5,88%, интервью – 5,78% и др.

В публицистике сочетания глагола *волновать* с местоимением первого лица единственного числа отмечаются, как правило, в жанре интервью: – *Вы уже задумывались об участии в следующих выборах губернатора? – Сегодня меня волнуют другие проблемы. Нужно достойно завершить 2016 год, в том числе сформировать такой бюджет области, чтобы он стимулировал развитие экономики и обеспечил все социальные обязательства государства* (Аваков А. Губернатор Рязанской области рассказал о правилах импортозамещения // Московский комсомолец. 2016.11.11); *В жизни меня волнует кое-что другое, большее, чем профессия. Поэтому и на сцене я рассуждаю вслух, а не механически повторяю заученный монолог. Всякий раз поражаюсь: сколько народу собралось, и все меня слушают! – От скромности вы явно не умрете* (Чехова В. Михалкову отказать невозможно // Семья). Закономерна фиксация такого рода сочетаний в мемуарах, дневниках, письмах: *Бы-*

ло чрезвычайно скучно, а дохода очень, очень мало, отвлечение же от науки меня волновало, я готовил новый научный доклад (Дьяконов И. Книга воспоминаний); *Ты, конечно, понимаешь, как все это меня волнует, тем более что неизвестно ничего относительно дальнейших намерений начальства* (Короленко В. Письма 1904 г.). В художественных текстах сочетания глагола *волновать* с местоимением первого лица отмечаются как в диалогах персонажей, так и в перволичном нарративе: – *Вы хотите знать, – начал он тихо, торжественно, – что меня теперь волнует, бесит?* (Гончаров И. Обыкновенная история); *То есть было понятно, что он выстрелил и попал женщине в грудь. И я думал, что она ранена или убита, что ей больно, что она испугалась. И я встречал это испуганное лицо везде в городе: на остановках, на стенах – везде. Меня оно волновало, мне нужно было её спасти, мне было всё это непонятно* (Гришковец Е. Одновременно).

По данным ресурсов ОСН в НКРЯ, местоименно-глагольные сочетания со значением безразличного отношения *меня не волнует / волновало / ...*, напротив, встречаются чаще в художественной речи (63,74%), чем в публицистике (29,67%). Фиксируются такие сочетания в романах (26,37%), повестях (19,78%), мемуарах (14,29%), рассказах (7,69%), дневниках (5,49%), интервью (4,4%): – *Я слишком рано получил то, к чему надо стремиться всю жизнь, а остальное меня не волнует* (Хруцкий Э. Осень в Сокольниках); *Кто этот Мурад, меня не волнует, у меня другая забота – я хочу перебить память своего поражения* (Сульчинская О. От мира до кругозора // Октябрь); *А роли... эти... меня не волнуют и не устраивают, значит, не из-за чего ломать копья и портить планы Гастрольбюро!* (Вертинская Л. Синяя птица любви).

Безразличное отношение к чему-либо, как показывает обращение не только к НКРЯ, но и к иным ресурсам в сети Интернет, зачастую находит выражение в формуле, включающей, кроме личного местоимения первого лица, предназначенного для идентификации экспериенцера, указательное местоимение *это*, функция которого должна заключаться в отсылке к объекту, оставляющему экспериенцера равнодушным: *меня это не волнует*. Выражение отмечается в названиях разного рода семиотических феноменов: песен, фильмов, видеопroduкций и пр., например, в названии фильма К. Гарина – «Шамбала, или Меня это не волнует», анимационного клипа «Но меня это не волнует», а также в названиях ряда видеороликов, размещенных на видеохостинговом сайте YouTube. В такого рода употреблении дейктические функции местоимений оказываются нереализованными, так как погашаются иной – номинативной – функцией, свойственной всему выражению в целом. Степень фразеологизации – укорененности² в сознании носителей языка данного выражения как целостного коммуникативного комплекса – определить трудно. Часто данное выражение употребляется как отдельное высказывание, нередко отмечается в структуре сложного предложения после союза *но*, реже в парцелирован-

ной конструкции и др.: *Фактически вас отдали даром. – Меня это не волнует. Этот вопрос уже к руководству «сенаторов»* (Лысенков П. Этот день рождения я запомню навсегда // Советский спорт); *Для этого в памяти Жени есть несколько трюков: например, если он не знает ответа на вопрос, то может обронить: «Меня это не волнует» или «Да я вообще не хочу это слышать, мне это неинтересно», а потом перевести разговор на тему, которая есть в его базе данных* (Коллективный. Вы робот?! // Огонек); *А потом из-за вас все летит к чертям собачьим!!!. Меня это не волнует! Это я знал уже в прошлом году!!*. (Букша К. Завод «Свобода» // Новый мир); *Умственно это может быть приемлемо, но меня это не волнует* (митрополит Антоний (Блум). О свободе и о подвиге); *Да, он много «ест», но меня это не волнует* (Новости // Автопилот). Зафиксирован даже такой контекст, в котором содержится указание на расхожесть анализируемого выражения, правда, в расширенном варианте: *«Обнуление» имело хождение в советском лексиконе с дней механических арифмометров «Феликс». И наоборот, модная фраза меня это не волнует ни разу только кажется старым одесским жаргонизмом. Несмотря на неудобопроизносимость некоторых перлов, в них все прозрачно. Цель создания выражения – экспрессия и экономия языковых средств через деформацию привычных форм. Строгий, прилизанный русский язык нормативных словарей, был, видимо, результатом искусственного припудривания и укладки* (Иваницкий В. Креативить, обнулить, нолея ноля и прочее // Знание – сила).

Местоимение первого лица множественного числа *нас* в сочетании с глаголом *волновать* значительно уступает по частотности фиксации в НКРЯ местоимению первого лица единственного лица *меня*. Личные интересы и беспокойства, судя по текстам ОСН, являются предметом сообщения чаще, чем коллективные. И если частотность употребления анализируемых нами структур с местоимением *мне* возрастает с начала XX в., то частотность употребления такого же рода структур с местоимением *нас* – с середины 1960-х гг. Заключение о влиянии социальных факторов, в частности изменений в общественной жизни, вызванных «оттепелью», на характер адресантности сообщений в данном случае можно делать с большой осторожностью, тем не менее дополнительным аргументом, подкрепляющим правомерность такого рода выводов, можно считать то, что основной сферой использования сообщений о небезразличном отношении в формуле *нас волнует / волновало /...* является публицистика – 71,01%. В художественных текстах сочетания *нас волнует / волновало /...* фиксируются значительно реже – 21,74%; невелик процент употребления таких сочетаний в текстах церковно-богословских – 2,90%. Следует обратить внимание и на то, что в жанровом отношении по количеству фиксаций сочетаний глагола *волновать* с местоимением *нас*, так же как и с местоимением *меня*, лидируют мемуары – 33,33%; им уступают статьи – 17,39%, романы – 14,49%, заметки – 5,80%, эссе – 4,35%. Сообщения о

безразличном отношении, в составе которых отмечаются сочетания *нас волнует / волновало /...*, немногочисленны.

По автоматически исчисленным данным НКРЯ, сочетания *его волнует / волновало /...* в большей степени свойственны художественной речи (56,49%), чем публицистической (35,79%). То же можно сказать и о сочетаниях, используемых для выражения безразличного отношения: художественная речь – 61,97%, публицистика – 28,17%. В художественных текстах местоимение *его* встречается чаще в сочетании с формой прошедшего времени глагола *волновать*, чем с формой настоящего времени, это означает, что повествователю важно информировать читателя не только о том, что волнует персонажа в тот или иной момент развития сюжета, но и о том, какие чувства испытывал персонаж в ретроспективном изложении событий. Если сравнить процентное распределение по жанрам сочетаний с местоимением *его*, реализующих значение небезразличного отношения, с процентным распределением по жанрам сочетаний с местоимением *его*, используемых для выражения безразличного отношения, то мы не обнаружим существенных различий. Фиксации сочетаний со значением небезразличного отношения в романах составляют 38,25%, статьях – 11,18%, мемуарах – 11,18%, повестях – 10,53%, рассказах – 4,7%, монографиях – 4,54%, очерках – 2,11%, дневниках и записных книжках – 2,11%, на форуме – 1,46%; сравн. с процентным распределением по жанрам сочетаний со значением безразличного отношения: в романах – 36,62%, повестях – 15,49%, статьях – 12,68%, рассказах – 5,63%, на форуме – 4,23% и др.

Общее количество сочетаний *ее волнует / волновало /...* в ОСН значительно меньше, чем количество сочетаний глагола *волновать* с местоимением *его*. Сочетания *ее волнует / волновало /...* фиксируются чаще в художественных текстах (69,9%), реже в публицистике (27,39%). Степень употребительности сочетаний *ее волнует / волновало /...* в текстах того или иного жанра такова: преобладают романы (41,75%) и повести (24,27%), средний показатель употребительности сочетания в мемуарах – 9,71%, невысока частотность употребления в статьях – 5,83%, рассказах – 4,85% и иных жанрах. Сообщения о безразличном отношении с репрезентацией экспериенцера местоимением *ее* малочисленны.

Сочетания с местоименной формой *их*, реализующие значение небезразличного отношения, более активно используются со второй половины XX в. Статистика фиксации сочетаний с местоименной формой *их* в ОСН такова: в публицистике – 57,78%, художественной речи – 24,44%, учебно-научной речи – 6,67%, электронной коммуникации – 1,45%, бытовой коммуникации – 2,22%. Жанры, в которых фиксируются сочетания с местоимением *их*, – это статьи (28,89%), мемуары (12,22%), романы (12,22%), очерки (6,67%), повести (6,67%), монографии (5,56%), рассказы (4,44%), дневники и записные книжки (4,44%).

Местоименные формы *вас, тебя, кого, кого-то, каждого, всех, многих* в сочетании с глаголом *волно-*

вать не характеризуются высокой частотностью. В то же время отмечается тенденция закрепления в узусе выражений *тебя это волнует*, *кого это волнует*, реализующих экспрессивную функцию в форме мнимого вопроса.

Цель использования мнимовопросительного выражения *тебя это волнует?* заключается в блокировании контакта, демонстрации намерения дистанцироваться от навязчивого собеседника, в адресованном партнеру по общению призыве отстраниться от «чужих» проблем: *Женька вскинул на него хитрые и почти не пьяные глаза, прищурился: – Ну, допустим. Тебя это волнует? – Нет, просто интересует. И откуда же? – Оттуда* (Маринина А. Тот, кто знает); *Ты чего не ней не женишься? – Тебя это волнует, – спросил он* (Черных В. Женская собственность); *Плохая критика? Тебя это волнует? Это должно волновать меня – я импресарио. Я его продаю. Его больше сюда не пригласят?* (Спивакова С. Не всё). При употреблении в констативном ключе сочетание *тебя это волнует* является свободным, реализуется с вариативными модальными рамками, не обусловленными предзнанием о закреплённости соответствующих интенций за данной конкретной формой их выражения. Сравн.: (1) – *Мэя говорила, что здесь, в окрестностях монастыря, драконы водятся, – сказал Фома с блаженной улыбкой. – Во всяком случае, водились. – Ну и что? – не понял Доктор. – Ты не понимаешь! Если услышать первого дракона, то вишей не будет... – Фома дернул подбородком уважительно. – Никогда – примета такая! – Не знал, что тебя это волнует. Что мне тебя – еще на вишность проверять? – Не надо, Доктор! – хохотнул Фома* (Осипов С. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парес) и (2) *Куда я еду, к кому – тебе это все равно. И не делай вида, что тебя это волнует. Тебя давно уже ничего не волнует. Тебе все безразлично. Все на свете* (Вампилов А. Утиная охота); в первом случае сочетание используется в контексте выражения удивления по поводу безразличного отношения адресата, во втором – в контексте отрицания безразличного отношения.

Риторический вопрос, риторическое восклицание *кого это волнует?/кого это волнует!* используется для подчеркивания общего нигилистического отношения ко всякого рода условностям, для экспликации горькой досады, вызванной чужим равнодушием, а также в качестве аргумента в призыве отказаться от каких-либо беспокойств: *Что же касается устоев, то их веками подрывают десятки экстремистских газет. Кого это волнует? Если газета легальная, то все остальное не имеет значения* (Довлатов С. Ремесло); – *Не только я. Думаю, вы тоже бисексуальны. Все бисексуальны. Но кого это волнует! Людьми следует свободнее относиться к сексу* (Парамонов О. С кем я сплю – никого не должно беспокоить // lenta.ru); *Все равно разведут. «Ваша машина, – говорят, – на 20 см выступала за другие» – и грузят в эвакуатор. Но наша машина на 25 см длиннее других! А кого это волнует?* (От эвакуаторов больше вреда или пользы? // Комсомольская правда); – *Слушай,*

Тимур, мне нечего сказать, у меня нет никаких особенных мыслей. И стихов я уже давно не пишу, завязал с этим делом... Одни переводы... – Брось, кого это волнует, пишешь, не пишешь... В Коштырбастане ты великий поэт – и точка (Чижов Е. Перевод с подстрочника), *Ты проследишь, чтобы я не растратил деньги. – Но у меня разбита физиономия. – Подумаешь! Кого это волнует?! Я привезу тебе солнечные очки. – Сейчас февраль. – Неважно* (Довлатов С. Чемодан). Выражение *кого это волнует* стало названием нового спектакля известной Московской импровизационной команды центра имени Вс. Мейерхольда («Кого это волнует?»). Трудно сейчас найти ответ на вопрос, какова история закрепления на устах выражения *кого это волнует*, особенно если учесть прецедентность иноязычных аналогов: *Who Cares?* – название песни Джорджа и Айры Гершвинов (1931), *Who Cares?* – название одноактного балета Джорджа Баланчина (1970), *A chi importa* (2018) – название музыкального альбома Сандро Саккочи и Эдоардо Галло, *Wen kümmert's?* (1960) и *Quem se importa* (2013) – названия фильмов и мн. др.

Высокой частотностью в русской речи характеризуется, как уже отмечалось выше, и сочетание *никого не волнует*. Это сочетание используется, как правило, для выражения досады по поводу чьего-либо или всеобщего равнодушия. Неслучайно наиболее частотные фиксации данного сочетания в НКРЯ отмечаются в публицистике (55,77%), реже сочетание фиксируется в художественных текстах (32,69%) и в электронной коммуникации (6,73%). Выражение отмечается в статьях (27,88%), романах (24,04%), мемуарах (17,31%), на форумах (5,77%) и др.: *Молчаливо предполагается, что эти граждане потребляют как раз социальный норматив. Никого не волнует, больше или меньше на самом деле человек вылил водички. Может, он уезжал в отпуск и вообще водой не пользовался. Платить все равно придется* (Арсюхин Е. Корреспондент «КП» попытался прожить на социальный норматив потребления воды // Комсомольская правда); *Курс подготовки автошкол рассчитан не на обучение водителя, а на подготовку к сдаче экзамена в ГИБДД. На «теорию» отводится всего 106 часов. То есть запрограммированный максимум – получение «корочек». Остальное никого не волнует. Более того, сам процесс обучения – это издержки* (Гречанник А. Можно ли научиться хорошо водить машину в автошколе? // Комсомольская правда); *Но ведь если директор театра в обход закона потратил 90% на зарплату и только 10% на постановку, а зал ломится от публики – это результат! У нас же результат никого не волнует* (Тимофеев Я. Культурные организации приравняли к прачечным // Известия).

Востребованным в русскоязычном дискурсе является выражение *это никого не волнует* (реже *никого это не волнует*). Это выражение, так же как и синонимичное ему выражение *кого это волнует*, закрепляется в узусе как устойчивый словесный комплекс, реализующий экспрессивную функцию: *Но я же не готова! А это никого не волнует... – Почему?! – В Киеве одним великим человеком была брошена фраза,*

убившая меня наповал: «Твой поезд ушел» (Рассказова И. Наталья Бочина: Я мотылек, сгоревший в олимпийском огне 30 лет назад // Советский спорт); Я привык выступать на американских аренах, но что делать. **Это никого не волнует.** У нас есть время адаптироваться (Ганеев Т. Сергей Бобровский: «Я приму любое решение Билялетдинова» // Известия); Вокруг нас богатые люди, источник богатства которых – во многих случаях – неблагоприятен. **И никого это не волнует.** Желтая

пресса с удовольствием смакует меню «уважаемого человека N», экзотическое хобби – собирание самолетов – NN (Последние герои. Не жить по законам джунглей // Известия. 2002.02.01).

На диаграмме, приведенной ниже (рис. 4), прослеживается явная тенденция к росту количества употреблений местоименно-глагольных выражений со значением безразличного отношения, включающих в свою структуру местоимение *это*.

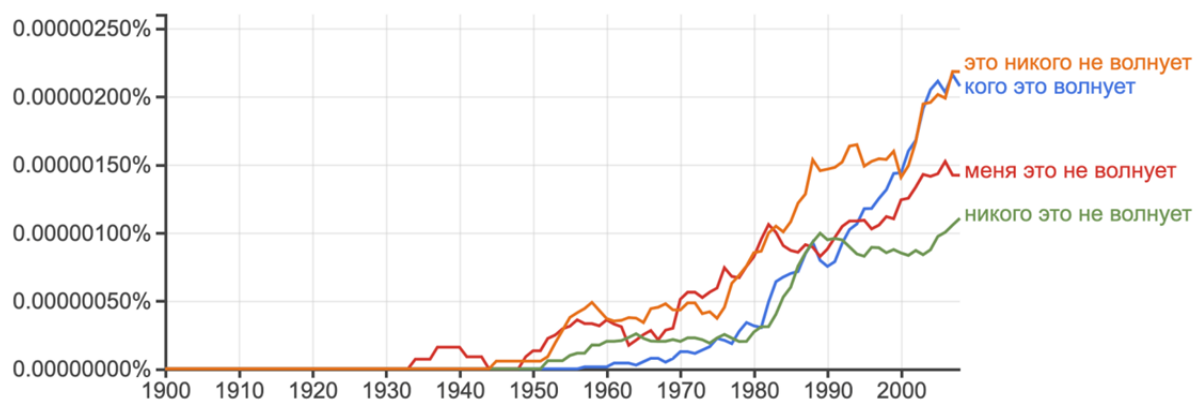

Рис. 4. Статистика употреблений местоименно-глагольных выражений с компонентом *это* в базе данных Google Books Ngram Viewer

Таким образом, можно прийти к выводу, что включение в состав местоименно-глагольного сочетания со значением безразличного отношения указательного местоимения *это*, максимально лаконизирующее сообщение, способствует «консервации» взаимодействия формы и содержания, «отрыву» выражения от контекста и закреплению его в узусе как устойчивого словесного комплекса.

Резюмируем в заключение сделанные нами наблюдения и полученные цифровые данные о дискурсивных реализациях местоименно-глагольных сочетаний со значением безразличного и небезразличного отношения.

Выводы

1. Безразличное и небезразличное отношение к чему-либо характеризуется множественными способами выражения в русском языке. Одним из таких способов является использование конструкций *кого-либо не волнует / не волновало / ... , кого-либо волнует / волновало / ...*. Для обозначения экспериенцера в таких конструкциях употребительны как субстантивные, так и местоименные словоформы, при этом местоименные репрезентации экспериенцера в общей своей массе превосходят субстантивные.

Сообщения о безразличном и небезразличном отношении к чему-либо, о том, что вызывает или, напротив, не вызывает беспокойство/интерес, с прономинативной репрезентацией экспериенцера при глаголе *волновать* в русскоязычном дискурсе наиболее частотно исходят от первого лица. Отмеченная закономерность согласуется с данными фразеологических словарей: в ряде словарей устойчивые выражения со значением безразличного отношения фиксируются с включением в их состав местоимения *меня*.

Кроме местоименной формы *меня*, в сочетании с глаголом *волновать* высокой частотностью при выражении безразличного отношения и преимущественно в публицистике характеризуется местоимение *никого*. Обращение к сочетанию *никого не волнует* (сочетания местоимения *никого* с иными формами глагола *волновать* встречаются значительно реже) объясняется стремлением говорящего/пишущего небеспристрастно отреагировать на безразличное отношение определенных лиц или общества в целом к каким-либо фактам, выразить свою обеспокоенность, возмущение или другие эмоции и тем самым воздействовать на ценностное сознание адресанта/адресантов.

2. Местоименная репрезентация экспериенцера при глаголе *волновать* отмечается в разных жанрах художественной, публицистической, электронной коммуникации, представленных в НКРЯ. Сообщения с перволичной и третьеличной репрезентацией экспериенцера, значительно превосходящие в численном отношении сообщения с репрезентацией экспериенцера местоимениями второго лица, различаются сферами и, соответственно, жанрами своего преимущественного употребления.

Публицистика в большей степени ориентирована на общение в формате «здесь и сейчас», открытый диалог о том, что волнует или должно волновать каждого и многих, поэтому в семантической роли экспериенцера при выражении небезразличного отношения чаще наблюдаются местоименные формы *меня*, *нас*, *их*; при выражении безразличного отношения – *никого*, *меня*, *их*. В художественном дискурсе в центре внимания нарратора внутренний мир персонажа, отсюда наиболее частотные репрезентации экспериенцера *его*, *ее*.

3. Участники русскоязычного дискурса в большей мере склонны информировать о состоянии обеспоко-

енности, равнодушием к чему-либо, чем об индифферентном отношении к тому, что составляет личное или социальное бытие человека.

4. Местоименные репрезентации экспериенцера при глаголе *волновать* отмечаются главным образом в сообщениях об отношении/состоянии обеспокоенности воспринимающего субъекта, локализованном в настоящем времени. Исключения составляют репрезентации экспериенцера местоимениями *его* и *ее* при глаголе *волновать* в художественных текстах: сочетания этих местоимений с глаголом *волновать* в форме прошедшего времени превосходят по частотности сочетания с формами глагола в настоящем времени.

5. Контактные местоименные репрезентации экспериенцера в сочетаниях с глаголом *волновать* превосходят по численности дистантные. Наблюдается также преобладание препозитивных по отношению к глаголу употреблений местоимений над постпозитивными. Предпочтение одних моделей развертывания сообщения другим свидетельствует о действии речевых стереотипов, которые и ложатся в основу формирования речевых шаблонов, в данном случае – консервации формы и содержания в виде местоименно-глагольных сочетаний.

Публицистический дискурс, ориентированный в большей степени, чем иные типы дискурсов, на отражение того, что находится в зоне актуального коллективного интереса, характеризуется своими статистическими особенностями; в частности, постпозитивная репрезентация экспериенцера при глаголе *волновать* в публицистике, по данным НКРЯ, чаще субстантивная, чем прономинативная, и речь идет по большей части об отношении к тем или иным фактам множества лиц, а не отдельных индивидов.

Отмечается тенденция к закреплению в узусе местоименно-глагольных сочетаний со значением безразличного отношения, включающих в свою структуру местоимение *это*. К таким сочетаниям относятся частотные в публицистике и в разговорной речи сочетания *это никого не волнует*, *никого это не волнует*; употребительные в разных типах дискурсов (нередко в качестве автономных высказываний и даже в заглавиях разного рода феноменов культуры) сочетания *меня это не волнует* и производимые с вопросительной или вопросительно-восклицательной интонацией сочетания *тебя это волнует*, *кого это волнует*.

Примечания

¹ Все статистические данные, представленные в статье, получены по состоянию НКРЯ и Google Books Ngram Viewer на конец 2020 г.

² Понятие когнитивной укоренности (cognitive entrenchment) пришло в русскоязычный научный дискурс из англоязычной научной среды (см.: [16–18]).

Список источников

- Добровольский Д.О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.
- Бирюк О.Л., Гусев В.Ю., Калинина Е.Ю. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка. М., 2008. URL: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php (дата обращения: 05.11.2020).
- Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. М., 2008. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 05.11.2020).
- Митрофанова О.А., Белик В.В., Кадина В.В. Корпусное исследование сочетаемостных предпочтений частотных лексем русского языка. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/56.htm> (дата обращения: 05.11.2020).
- Захаров В.П., Хохлова М.В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/22.htm> (дата обращения: 05.11.2020).
- Кочеткова Н.А. Статистические языковые методы. Коллокации и колликации // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2013. № 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-yazykovyemetody-kollokatsii-i-kolligatsii> (дата обращения: 03.05.2021).
- Тришин В.Н. Словарь синонимов ASIS. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 21.10.2020).
- Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. Ростов н/Д : Феникс ; М. : Цитадель-трейд, 2005. 544 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
- Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2008. 878 с.
- Гомонова И.Г. Паремия в корпусе текстов // Славянская фразеология в синхронии и диахронии: сб. науч. ст. Вып. 1 / редкол.: В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. С. 174–177.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>
- Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams>
- Активный словарь русского языка / В.Ю. Апресян [и др.] ; отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 2. 736 с.
- Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М. : Рольф; Айрис-пресс, 1997. 448 с.
- Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1. Theoretical prerequisites. Stanford : Stanford University Press, 1987. 280 p.
- Schmid H.-J. Entrenchment, salience, and basic levels // D. Geeraerts, H. Cuyckens (Eds.) The Oxford handbook of cognitive linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 117–138.
- Blumenthal-Dramé A. Entrenchment in usage-based theories. What corpus data do and do not reveal about the mind. Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2012. 282 p.

References

- Dobrovol'skiy, D.O. (2016) Construction grammar and phraseology. *Voprosy yazykoznanija*. 3. pp. 7–21. (In Russian). DOI: 10.31857/s0373658x0000999-7
- Biryuk, O.L., Gusev, V.Yu. & Kalinina, E.Yu. (2008) *Slovar' glagol'noy sochetaemosti nepredmetnykh imen russkogo yazyka* [Dictionary of verbal compatibility of non-objective names of the Russian language]. [Online] Available from: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php (Accessed: 05.11.2020).

3. Kustova, G.I. (2008) *Slovar' russkoy idiomatiki. Sochetaniya slov so znacheniem vysokoy stepeni* [Dictionary of Russian idioms. Combinations of words with a high degree meaning]. [Online] Available from: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (Accessed: 05.11.2020).
4. Mitrofanova, O.A., Belik, V.V. & Kadina, V.V. (2008) *Korpusnoe issledovanie sochetaemostnykh predpochteniy chastotnykh leksem russkogo yazyka* [Corpus study of compatibility preferences of frequency lexemes of the Russian language]. [Online] Available from: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/56.htm> (Accessed: 05.11.2020).
5. Zakharov, V.P. & Khokhlova, M.V. (2010) *Analiz effektivnosti statisticheskikh metodov vyavleniya kollokatsiy v tekstakh na russkom yazyke* [Analysis of the effectiveness of statistical methods for detecting collocations in texts in Russian]. [Online] Available from: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/22.htm> (Accessed: 05.11.2020).
6. Kochetkova, N.A. (2013) *Statisticheskie yazykovye metody. Kollokatsii i kolligatsii* [Statistical language methods. Collocations and colligations]. *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh*. 16. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-yazykovyemetody-kollokatsii-i-kolligatsii> (Accessed: 03.05.2021).
7. Trishin, V.N. (n.d.) *Slovar' sinonimov ASIS* [ASIS Synonym Dictionary]. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims (Accessed: 21.10.2020).
8. Zimin, V.I. & Spirin, A.S. (2005) *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. Bol'shoy tolkovyy slovar'* [Proverbs and sayings of the Russian people. Big explanatory dictionary]. Rostov on Don: Feniks; Moscow: Tsitadel'-treid.
9. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2007) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Big dictionary of Russian sayings]. Moscow: OLMA Media Grupp.
10. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13000 frazeologicheskikh edinit* [Phraseological dictionary of the Russian literary language: ca. 13000 phraseological units]. 3rd ed. Moscow: Astrel': ACT.
11. Gomonova, I.G. (2011) *Paremiya v korpusе текстов* [Paremia in the corpus of texts]. In: Koval', V.I. et al. (eds) *Slavyanskaya frazeologiya v sinkhronii i diakhronii* [Slavic phraseology in synchrony and diachrony]. Vol. 1. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University. pp. 174–177.
12. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. (n.d.) [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru>.
13. Google Books Ngram Viewer. (n.d.) [Online] Available from: <https://books.google.com/ngrams>.
14. Apresyan, V.Yu. et al. (eds) (2014): *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of the Russian language]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
15. Golub, I.B. (1997) *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Rol'f, Ayris-press.
16. Langacker, R. (1987) *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press.
17. Schmid, H.-J. (2007) Entrenchment, salience, and basic levels. In: *The Oxford handbook of cognitive linguistics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 117–138.
18. Blumenthal-Dramé, A. (2012) *Entrenchment in usage-based theories. What corpus data do and do not reveal about the mind*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton.

Информация об авторе:

Ничипорчик Е.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины (Гомель, Республика Беларусь). E-mail: evnich@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Nichiporchik, Dr. Sci. (Philology), head of the Russian, General and Slavonic Linguistics Department, Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, Belarus). E-mail: evnich@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.07.2021;
одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.

The article was submitted 22.07.2021;
approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.